

Игорь РИНК

ТРИ ВСТРЕЧИ

Вчитываться в ранние книги молодых поэтов всегда интересно. Радует, когда услышишь пусть ещё не окрепший, но уже свой поэтический голос, почувствуешь свежую интонацию, откроешь для себя далеко не простой внутренний мир ещё одного, а если очень повезёт, так и сразу трёх молодых современников.

Мне как раз повезло, и поэтому в этой статье пойдет речь о первых книгах молодых или достаточно молодых поэтов: Николая Колмогорова, Сергея Донбая и Ивана Полунина, книгах, выпущенных в текущем году Кемеровским книжным издательством.

Книжка Николая Колмогорова «На земле светло», отредактированная и предварённая добрым напутствием моего коллеги Станислава Куняева, радует серьёзностью и вдумчивостью. Открывая книжку, автор сразу предлагает читателю свой ритм жизни:

**Вот на дыбы вздымается река,
и ржанье лошадей с обрыва...
Всё правда. И почти сошли снега,
и надо жить, но жить – неторопливо.**

Нам, жителям больших городов, остаётся лишь позавидовать тому, что в наш стремительный век где-то ещё возможна такая неторопливая, почти патриархальная жизнь. Правда, через три страницы поэт отказывается от заданного им же самим ритма, рисуя куда более динамичную картинку современной жизни пригорода:

**Там хлопает громко бельё
и гроздья рубях пузырятся.
Пусть оторопь душу берёт –
свободы не надо пугаться.**

**Ведь в гулкой долине двора,
на улицах – толпы народа
шумят и пьянеют с утра
от синей реки кислорода.**

Здесь уже и следа нет от тихой идиллии, предложенной вначале!

Внешними событиями сборник Николая Колмогорова небогат. Острый, внимательный взгляд поэта направлен на окружающие его леса, поля, травы, на едва заметные повороты людских судеб и на внутренние переживания лирического героя.

Вот характерный образец его стиха:

**Только так же текут облака
над большой каланчою со шпилем,
и продутая будка ларька
пахнет старой афишей и пивом,
и каким-то забытым почти
девятнадцатым пыльным столетьем,
захолустьем полынной версты
и зелёным вагоном последним...**

Точно расставленные детали не только создают картинку захолустного полустанка, но и обрисовывают его быт и судьбу.

Но неужели всё так грустно и безнадежно, а все надежды уплыли в «зелёном вагоне

последнем»? Нет, конечно.

Стихи Колмогорова, будь то пейзажные картинки родных мест или воспоминания о близких, или строки о любви, пронизаны добротой, любовью к Родине и людям, освещены какой-то только ему присущей тихой радостью бытия. Дело в том, что поэт не любит громких слов и заявлений, не пользуется разящими метафорами, и если перевести его стихи на язык художника, то выйдет не буйство масляных красок, а полутона акварели или, как справедливо заметил С. Куняев, чёткость графики.

Поэту, как говорят, «дано» эмоционально и тонко чувствовать природу, поэтому «человек и природа» – одна из основных линий его сборника. Через любовь к природе и счастье общения с нею автор ведёт читателя к осознанию любви к Родине и патриотизму.

И, в самом деле, с какой заразительной любовью написана вот эта, например, картинка конца лета:

**Я видел: отлетает первый лист
от жёлтой кроны, сумраком тяжёлой.
И потянулись стаи мокрых птиц
в тылы грозы, где шум прошёл веселый.
Растрёпанные кудри облаков
пронизаны живучими лучами.
И запах просыхающих стогов
уходит вверх, как тёплый дух печали.**

Автор пишет почти голым стихом, не заботясь о расцветивании его метафорами и эпитетами, но ведь это и есть самое трудное в поэзии – писать простыми, обыденными словами – и несомненно свидетельствует о своеобразии таланта поэта. В этой же манере написаны и многие другие стихи сборника, среди которых нельзя не отметить отличное стихотворение «Я снова нынче возвращаюсь», трепетно передающее внутреннее состояние героя, его радость встречи с природой.

Некоторые лихие критики подобную углублённость в природу, во внутренний мир героев рассматривают порой как недостаток. Но ведь это всё равно, что считать главным достоинством оркестра громкость его игры, а ведь «громкость» таланта не всегда свидетельство его силы. К тому же любовь к природе это не только любовь к её красотам, это ещё и то, о чём пишет Колмогоров:

**И опять я увижу течение дней,
красоту всей земли просторной,
где усталые люди везут с полей
урожая жар рукотворный...**

За последние десятилетия мы читывали немало поэтических деклараций поэтов-селян, осевших в больших городах, о том, что они-де, мол, жить не могут без своих речек, берёзок и родных изб. На городской асфальт было пролито по этому поводу немало слёз, однако сообщений о массовом переселении поэтов на село так и не поступило. А Николаю Колмогорову на этот счёт беспокоиться не нужно: он пишет о том, где и чем живёт. Лучшие стихи у него выходят там, где он пишет от первого лица, сам является участником событий. И, такова уж индивидуальная особенность его самовыражения, именно в таких стихах наиболее удачно проявляются его поэтические способности.

Однако неужели в сборнике «На земле светло» решительно всё так благополучно? К сожалению, не всё.

Возьмём хотя бы такое стихотворение:

**Смотри! Леса оцепенели.
В них замер летний гул.
В берёзы – в белые свирели
мороздохнул.**

**Смотри! На родине светанье.
Преобразился путь.
Душа впитала суть скитаний
и постоянства суть.**

Во-первых, здесь какая-то странная расстановка знаков препинания «под Хемингуэя», во-вторых, «не живёт» искусственно созданное специально для рифмы словечко «светанье», а в-третьих, всё стихотворение ложно-многозначительно, концовка никак не вытекает из предыдущего. Не лучше этого и стихотворение «Красный забор и охра курчавых сосен». Не всегда оправдано смыслом и ритмическое своеволие автора («Воспоминание о детстве» и др.), порою бедноваты рифмы, иногда неточны ударения. Всё это поправимо, так сказать, в рабочем порядке. А главное, что хочется пожелать Николаю Колмогорову, это расширять тематический круг своего творчества, районного городка своей поэзии. Пока что в стихах о Чукотке и в «Тютчеве» эти попытки ещё робки и немногочисленны. У Колмогорова есть все данные для серьёзного движения вперед. <...>

Моя встреча с первыми книгами трех кемеровских поэтов оказалась интересной. Молодые поэты пишут на добротном литературном уровне, каждый из них индивидуален и узнаваем.

Не думаю, что здесь, в статье, есть надобность устанавливать некий олимпийского типа пьедестал и расставлять на нём поэтов в том или ином порядке. Пусть это сделает жизнь!

А я в заключение статьи хочу лишь напомнить всем трём моим новым друзьям о том, что в их стихах почти нет гражданской и публицистической тематики. Не видно у них и попыток заглянуть творчески за пределы родного района или области, два-три исключения из этого – лишь эпизоды.

Но ведь поэзия – общенациональна, а у нас в стране ещё и общесоюзна. Было бы грустно, если бы Есенин писал только о Рязанщине, Твардовский – исключительно о Смоленщине, а, скажем, Расул Гамзатов – лишь о своём ауле в Дагестане. Большая советская поэзия была бы этим заметно обеднена.

Молодым поэтам надо дерзать, браться за большие темы, не забывая при этом и своих родных мест. <...>

Москва, 1978 г.